

МАРГИНАЛИЯ К <«АРАПУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»>

Исторические источники незавершенного романа Пушкина о Петровской эпохе обследованы с достаточной полнотой¹ — это т.н. Немецкая биография Абрама Ганнибала, 17-й том «Дополнений к «Деяниям Петра Великого»» И.И. Голикова (впервые: СПб., 1796) и, в особенности, несколько очерков А.О. Корниловича («О частной жизни императора Петра I», «Об увеселениях русского двора при Петре I», «О первых балах в России», «О частной жизни русских при Петре I»), увидевших свет в альманахе «Русская старина» (СПб., 1824)². На два последних источника указал сам автор. Печатаемая, сначала в газете, затем в отдельном издании, фрагмент из главы III, он снабдил заголовок («Ассамблея при Петре I-м»³) сноской: «См. Голикова и Русскую старину»⁴. Такова была манера Вальтера Скотта, и, по вполне вероятному предположению Д.П. Якубовича,

...Пушкиным по завершении романа мыслился такой же *ассортимент* *примечаний*, ведущих к источникам⁵.

Слова, взятые нами в курсив, вполне подходят и к справочному аппарату, сопровождающему публикацию очерков Корниловича

¹ См. прежде всего посмертно опубликованную главу из монографии Д.П. Якубовича («Арап Петра Великого» — Пушкин: Исследования и материалы. Т. IX. М.; Л., 1979. С. 261—293); ср.: Левкович Я.Л. Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Там же. Т. VI. Л., 1969. С. 181—188. Краткую сводку данных см.: Рак В.Д. <Арап Петра Великого> // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А — Д. СПб., 2009. С. 71—80.

² Из перечисленных очерков третий и второй ранее были напечатаны в двух книжках альманаха «Полярная звезда» — соответственно в 1823 и 1824 гг. Находясь в Михайловском, Пушкин весьма интересовался продукцией Корниловича (см.: Пушкин. Письма. Т. I / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. С. 103, 120, 127, 301).

³ Стоит отметить, что в структуре пушкинского заголовка отзывается созданная Корниловичем традиция увлекательного, с сюжетными вставками, исторического этюда («Об увеселениях русского двора *при Петре I*», «О частной жизни русских *при Петре I*»). Ср. ремарку Д.П. Якубовича (Указ. соч. С. 276) о «знаменательности» названий очерков Корниловича.

⁴ Литературная газета. 1830. № 13. Марта 2-го. С. 99. Ср.: Повести, изданные Александром Пушкиным. СПб., 1834. С. 165. В дальнейшем роман цитируется по: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VIII. [М.; Л.], 1948. Ссылки на страницы приводятся в тексте статьи в квадратных скобках.

⁵ Якубович Д.П. Указ. соч. С. 268.

в «Русской старине». Здесь, среди прочего, автор сообщал о той базе данных, которая фундирует два его этюда:

Статьи об увеселениях и первых балах почерпнуты из Беркгольца, Бассевица, Вебера, и Штелина (Ueber die Musik und Tanzkunst in Russland), Нартова, Кашина, из писем Гжи Рондо (Letters of an English Lady who resided many years in Russia), из статьи А.Ф. Малиновского о Российском театре, помещенной в Северном Архиве 1822 года⁶.

Сочинения иностранцев о России (*Rossica*) — едва ли не главный предмет ученых и литературных занятий Корниловича в первой половине 1820-х гг. Целый ряд его журнальных публикаций, а также устные сообщения на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности⁷, имели тождественный подзаголовок: «Отрывок из опыта путешествий по России» (иногда с прибавлением: «... составляемого А.[О.] Корниловичем»)⁸. В серию этих печатных материалов входит и статья, посвященная *Письмам английской дамы*, упоминание о которых находим в процитированном примечании.

В этой статье, появившейся летом 1822 г. под заголовком «Отрывок из Опыта Истории путешествий по России, составляемого А.О. Корниловичем. — Госпожа Рондо, в первом замужестве Вард, урожденная Корс»⁹, резюмированы основные сведения о пребывании английской дамы в Петербурге и Москве в 1728—1739 гг. и об изданиях ее писем, вызвавших оживленную реакцию как в Англии, так и на континенте. Фактические данные, почерпнутые из европейских справочников и библиографий, перемежаются цитатами (переведено около десятка фрагментов различного объема, от нескольких строк до полутора страниц) и собственными суждениями Корниловича, вы-

⁶ Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год / Изданная А. Корниловичем [и В. Сухоруковым]. СПб., 1824. С. 347—348.

⁷ См.: Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 417.

⁸ Библиографические сведения об этом разделе наследия Корниловича рассеяны по разным изданиям, перечень которых приведен в коммент. А.А. Ильина-Томича в кн.: Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Кн. 2. Иркутск, 1992. С. 358—359. Журнальные публикации некоторых «Отрывков из опыта путешествий по России» получали затем вид отдельных брошюр; такой конволют зарегистрирован в: Библиотека В.А. Жуковского (Описание) / Сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981. С. 35—36.

⁹ Сын Отечества. 1822. Ч. 78. № 24. Раздел II (Российская история). С. 160—172. Корнилович ошибочно называет девичью фамилию англичанки: урожденная Джейн Гудвин (1699—1783) в первом браке была за Томасом Вардом (Ward), во втором — за Клавдием Рондо (Rondeau), в третьем — за Уильямом Вигором (Vigor). Наиболее полную сводку данных о ней см.: Oxford Dictionary of National Biography. Vol. 56. Oxford, 2004. P. 471.

казывающего вкус профессионального литератора и основательность профессионального историка:

<...> она [г-жа Рондо] описывает <...> то, что видит, и описывает как молодая светская женщина, не занимается географическими местностями или историческими происшествиями, а обращает главное внимание свое на наружные приметы разных особ, наряды, праздники Двора и столицы; иногда изображает характеры важных лиц, с которыми находилась вместе, со всею верностью, какой можно ожидать от женщины-наблюдателя, и перемешивает рассказ свой любопытными анекдотами и остроумными замечаниями. Приятно видеть важнейших особ в Империи в частном их отношении: История представляет их нам в кругу дел Государственных, в мирной глуши кабинета, или на полях битвы; здесь встречаем их в обществах, на поприще нам незнакомом или в кругу домашнем, без принуждения, в простой, незамысловатой одежде¹⁰.

Сходство выделенных формулировок с пушкинским замечанием из наброска «О романах Вальтера Скотта» (1830) («<...> знакомимся с прошедшим временем не с *enflure* французских трагедий <...> не с *dignité* истории, но современно, но домашним образом»¹¹) весьма любопытно, но, разумеется, не может служить единственной опорой для заманчивой гипотезы. Стоит напомнить, однако, что тем же летом 1822 г. в «Сыне Отечества» увидело свет сразу несколько публикаций, получивших резонанс в пушкинском кругу: в № 21 — анонимная рецензия на «Биографическое похвальное слово г-же Сталь-Гольштейн» П.А. Габбе (С. 38—39), в № 23 — дума Рылеева «Богдан Хмельницкий» (С. 130—134), в № 29 — отзыв Вяземского на книжку Габбе (С. 118—127) и принадлежавший О.М. Сомову разбор «Шильонского узника» (С. 97—118). Не позже, чем 1 сентября 1822 г. Пушкин прочел этот текст¹², и мы вправе допустить, что в Кишиневе у него была возможность просмотреть и другие номера «Сына Отечества» за названный период.

Согласно довольно убедительному предположению, в Кишиневе же произошло личное знакомство Пушкина и Корниловича¹³. Речь между ними, вероятно, заходила об исторических разысканиях последнего, отразившихся в том числе в статье о письмах г-жи Рондо.

¹⁰ Там же. Р. 166—167.

¹¹ Пушкин. Т. XII. [М.; Л.], 1949. С. 195.

¹² См.: Пушкин. Письма. Т. I. С. 35.

¹³ См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / Изд. 2. Л., 1989. С. 206. Как отголосок непосредственного общения выглядит фраза «Корнилович славный малой и много обещает» (Пушкин. Письма. Т. I. С. 71; письмо А.А. Бестужеву, 8 февраля 1824 г.).

В 1824 г. Пушкин мог держать эту книгу в руках: два экземпляра второго издания «*Letters from a Lady...*» донныне занимают свое место в одесской части собрания Воронцовых¹⁴. По-английски он тогда еще не читал, но на книгу, не исключено, обратил внимание. Равным образом нельзя исключать, что в библиотеке имелся французский перевод писем г-жи Рондо — он числится в реестре 1834 г.¹⁵. К тому времени коллекция М.С. Воронцова начала пополняться изданиями, унаследованными от отца — Семена Романовича (ум. 1832), но интересующая нас книга могла попасть в Одессу и раньше, в составе собрания дяди — Александра Романовича (ум. 1805): оно, как известно, заложило основу одесской библиотеки племянника¹⁶. Хотя «*Lettres d'une dame anglaise...*» не значатся в каталоге коллекции А.Р. Воронцова, составленном в 1790-е гг.¹⁷, следует помнить, во-первых, о том, что каталог этот сохранился не полностью, а во-вторых — о том, что между членами семьи постоянно происходила миграция книг и обмен библиофильской информацией.

Вероятно также, что французское издание этих писем Пушкин читал в Москве или Петербурге в 1826—1827 гг. Много лет спустя, в феврале 1836 г., он приобретает их русский перевод, выполненный М.И. Касторским, — «Письма Леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны» (СПб., 1836)¹⁸; краткая аннотация книжной новинки появляется в библиографическом отделе «Современника» в апреле¹⁹. На наш взгляд, это может служить свидетельством не только интереса

¹⁴ *Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England, With historical notes / 2 ed.* — VIII, 207 p., 1 tabl. London: Dodsley, 1777. За это указание, как и за ценные соображения об истории воронцовского собрания, благодарю Е.В. Полевщикову, заведующую отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

¹⁵ *Lettres d'une dame anglaise résidente en Russie à son amie en Angleterre.* Rotterdam: chez Jacques Bronkhorst, 1776. См.: Сомов В.А. Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 241, 226.

¹⁶ См.: Алексеев М.П. Пушкин и библиотека Воронцовых // Пушкин: Статьи и материалы. Вып. II. Одесса, 1926. С. 94.

¹⁷ См.: Сомов В.А. Указ. соч. С. 241.

¹⁸ *Ариель-Залесская Г.Г.* К изучению истории библиотеки А.С. Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. II. М.; Л., 1958. С. 339, 353. С этого момента в русской издательской практике укоренилась ошибочная традиция: вводить в заголовки имя автора и к тому же именовать ее «леди Рондо». Об анонимности прижизненных изданий «*Letters...*» и об отсутствии у Джейн Вард — Рондо — Вигор титула см. в оксфордском издании, упомянутом в примеч. 9.

¹⁹ Современник, литературный журнал... Т. 1. 1836. С. 308—309 (отдел «Новые книги»). Обоснование авторства см.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. VIII. [М.; Л.], 1952. С. 769—771.

Пушкина к данному источнику, но и давнишнего знакомства с ним, оставившего следы и в романе о времени Петра I.

* * *

Важная для этой прозы фигура Корсакова по природе гетерогенна: он отпрыск старинной фамилии, действующий в совершенно новых условиях. Для ее обрисовки применена техника, контаминирующая рефлексы разных жанров и их семантические поля. Основой, на которую все это накладывается, служит исторический анекдот — жанр с подвижными границами, гибкой прагматикой и при необходимости легко трансформирующийся.

Так, рассказ об аудиенции, данной Петром бранденбургскому дипломату фон Принцу (Людвигу фон Принцену):

Посланник принужден был, по веревочной лестнице, взбираться на грот-мачту, и Государь, сев на бревно, принял от него верующую грамоту и обыкновенные при таких случаях приветствия под открытым небом, на корабельном марсе —

приведенный у Корниловича с веско-суггестивной ссылкой «вальтер-скоттовского» типа («Graf Lynar I. 34. Галем»)²⁰, Пушкин существенно переработал. На месте иностранца оказывается вернувшийся из-за границы русский дворянин; удален сюжетобразующий мотив опоздания, спровоцированного привычкой Петра поднявшись чуть свет, заниматься государственными делами. В итоге остается сцена необычного представления царю, игнорирующему церемониал:

Entre nous, сказал он Ибрагиму, государь престранный человек, вообрази, что я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принужден я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на веревочной лестнице и не имел довольно места, чтобы сделать приличный реверанс <...> [14—15].

К аранжировке тут подключены другие жанры. Прежде всего, это откровенно фарсовые элементы: вместо *марса*, небольшой, но прочной круглой площадки на топе мачты, визитер стоит на *вантах*,

²⁰ Русская старина. Карманная книжка... С. 25—26, 345. Сокращениями обозначены путевой журнал графа Р. Ф. фон Линара, датского посланника при петербургском дворе в 1750—1752 гг. (Des weiland Grafen Rochus Friedrich zu Lynar ... hinterlassene Staatsschriften und andere Aufsätze. Bd. 1. Hamburg, 1793. S. 34; репой анекдота анонимен), и труд Г.-А. фон Галема «Leben Peters des Grossen» (Bd. 1—2. Münster; Leipzig, 1803—1804).

за которые необходимо держаться хотя бы одной рукой, а это сводит изящный поклон к жалкой карикатуре²¹. Ощутимо здесь и воздействие сатирической журнальной прозы и бытовой комедии второй половины XVIII в. Едва ли не самый частотный персонаж этих текстов — пети-метр, не расстающийся с утрированно модным костюмом и столь же аффектированной светскостью, усвоенной за пределами отечества. Комедийное начало проступает и в *Ich-Ehrzählung*: Корсаков сам рассказывает о том, какая ему была дана аудиенция, причем, в духе присущей вертопрахам простодушной самонадеянности, не замечает открытой иронии в свой адрес:

<...> и совершенно замешался, что отроду со мной не случилось. Однакож государь, прочитав бумаги, посмотрел на меня с головы до ног и вероятно был приятно поражен вкусом и щегольством моего наряда; по крайней мере он улыбнулся и позвал меня на сегодняшнюю ассамблею [15].

Ср. самую известную из аналогичных деклараций («Бригадир», 1769):

В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде или я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлася на лицах, и часто, не могли ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, что они обо мне думают.

В идущем далее эпизоде на ассамблее, после которого Корсаков в романе больше не появляется, а лишь упоминается, также заметны стыковочные «швы». Весь антураж почерпнут из очерка Корниловича

²¹ О сгущенном комизме этого пассажа писали неоднократно; см., например: *Сидяков Л.С.* Художественная проза А.С. Пушкина. Рига, 1973. С. 41; *Альтшуллер М.* Эпоха Вальтер Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996. С. 215. Буффонадой отзывается и передразнивание Корсакова Гаврилой Афанасьевичем Ржевским: «<...> куды! влетел! расшаркался! разболтался!...» — и дурой Екимовной: «<...> схватила крышку с одного блюда, взяла подмышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... ассамблея... пардон“» [22]. Недоброжелатели точно воспроизводят речевую манеру Корсакова, для которой характерны высокий темп, монологичность, поток коротких фраз: «<...> что здесь делают, чем занимаются? кто твой портной? заведена ли у вас хотя опера?» <...> Корсаков осыпал Ибрагима вопросами, кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде?» [14—15].

«О первых балах в России». Реалии, детали²², как и само правило, незнакомство с которым привело героя к фиаско:

В менюэтах дамам предоставлен был выбор. <...> мужчина, желавший танцевать с дамою, подходил к ней не прежде, как после трех церемониальных [sic] поклонов <...>²³ —

перекочевывают в пушкинский текст:

<...> господин с букетом подошел к нему, отвел на средину залы и важно сказал: “Государь мой, ты провинился: во-первых, подошел к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса, а во-вторых, взяв на себя самому ее выбрать, тогда как в менюэтах право сие подобает даме, а не кавалеру [17].

Сцена с выговором за расточительность восходит к анекдоту, зафиксированному Голиковым:

...штаны-то на тебе такие, каких не носит и государь твой. Смотри, чтоб я с тобою не побранился; это пахнет мотовством; я вить знаю, что ты не богат²⁴ —

и внедренному в третью главу романа с минимальными изменениями:

Послушай, К....., сказал ему Петр, штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтоб я с тобой не побранился [17—18].

В мгновенном опьянении Корсакова, следствии наложенного штрафа, заявляет о себе шутовской регистр:

...хотел выдти из круга, но зашатался и чуть не упал. <...> Корсаков не мог участвовать в общем веселии. <...> Ибрагим <...> вывел его из залы, посадил в карету и отвез домой. Дорогою Корсаков сначала невнятно лепетал: «Проклятая ассамблея!... проклятый кубок большого орла!...», но вскоре заснул крепким сном, не чувствовал, как он приехал домой, как его раздели и уложили...[18]

²² Как-то: духовая музыка; состав гостей; описание церемониального танца и нарядов; угощение для мужчин, и проч. Большинство параллелей впервые отмечено в: Якубович Д.П. Указ. соч. С. 277.

²³ Русская старина. Карманная книжка... С. 107—108.

²⁴ Анекдот № 109 из т. 17 «Дополнений...» Голикова цит. по: Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Новосибирск, 2001. С. 305.

Рискнем предположить здесь и влияние одного из писем г-жи Рондо.

Je m'impatiente de vous conter une Histoire pour vous donner un exemple de la délicatesse des petits maitres et des belles de notre région septentrionale <...> Il se trouve ici un jeune homme de qualité, qui a fait le tour de la France etc. A son retour il a rencontré une compagnie de trois ou quatre jolies femmes, chez un ami où il dançoit, chantoit, rioit, faisoit le familier avec des Dames, et se conduisoit à *la mode de Paris*. Comme il assûroit la compagie étonnée, de ses airs, il se vantoit ensuite de leur amour por lui, et de la passion, qu'il avoit inspiré à chacune d'elles; ceci fût tant de fois répété dans toutes les sociétés, qu'il parvint enfin aux oreilles des *messieurs leurs Maris* (car c'étoient des femmes mariées) qui depuis quelques tems avoient un regard renfrogné, et ne parloient guère, mais qui enfin d'une manière insolente exprimoient en termes formelles la cause de leur mauvaise humeur. Les Dames insistèrent pour le faire comparoître avec elles devant leurs maris, et ces couples aimables convinrent qu'une de ces nymphes le feroit inviter de venir souper chez elle sans lui faire savoir qui seroient les autres convives. Sur les ailes de l'amour il vola au rendez-vous, et fut reçu avec beaucoup d'allegresse; mais au milieu de ses extases, elle lui reprocha les discours qu'il avoit tenus; il les nia; sur cela les autres Dames entrèrent avec leurs maris, les preuves de son crime furent produites et il fut convaincu d'avoir agi de mauvaise foi. Les maris prononcèrent sa sentence, par laquelle il fut condamné à etre fotté par les Dames: il y en a qui disent qu'elles le punirent elles memes; mais selon d'autres rapports elles ordonnèrent à leurs servantes d'exécuter la sentence. Quoiqu'il en soit, il est certain que le châtiment fut infligé avec tant de rigueur, qu'il se trouva obligé de garder le lit pendant quelques jours; mais si les Dames ont ete exécutrices ou seulement spectatrices, cela est encore douteux. Jugez par cette exemple de l'état ou la Galanterie se trouve dans cette région Hyperborée²⁵.

²⁵ Lettres d'une dame anglaise résidente en Russie à son amie en Angleterre. Rotterdam, 1776. P. 42—44. Выделенные курсивом обороты приведены по-французски в оригинале, см.: *Letters from a Lady, Who Resided Some Years in Russia, to Her Friend in England, with historical notes*. London: Dodsley, 1777. P. 59—60. Перевод: «Мне не терпится рассказать вам историю, которая послужит примером изысканности щеголей и красавиц, живущих в наших северных краях <...> Есть тут некий молодой человек хорошего рода, объездивший Францию и пр. По возвращении он в доме своего друга попал в компанию трех или четырех хорошеньких женщин; он танцевал, пел, смеялся, обходился с дамами весьма непринужденно, словом, вел себя на парижский манер, как он сам уверял изумленную публику. Вслед за тем он хвастал их любовью к себе, страстью, которую он внушил каждой из них; это столько раз везде повторялось, что наконец достигло и ушей господ мужей (ибо все эти женщины были замужем); последние какое-то время с мрачным видом молчали, а потом весьма грубо и без обиняков объявили причину своего недовольства. Дамы

Тематически зарисовка, сделанная английской дамой, отлична от эпизода из романа. Дело происходит в Москве (впрочем, в 1732 г., к которому отнесен этот анекдот, в старой столице вместе с императрицей Анной находился и петербургский двор, и дипломатический корпус, и галантная публика); в фокусе — сцена частной жизни.

При этом бросается в глаза общий двум текстам центральный персонаж — петиметр, отмеченный узнаваемой комбинацией черт: недавнее пребывание во Франции, уверенность в собственном «европеизме», желание выступать его образчиком в русской дворянской среде. Он весел и вертляв («танцевал, пел, смеялся», «на крыльях любви <...> полетел на свидание»; ср.: «Я сей час только приехал», сказал Корсаков, — «и прямо прибежал к тебе» <...> Корсаков засмеялся <...> перевернулся на одной ножке и выбежал из комнаты. <...> Корсаков к ней разлетелся и просил сделать честь пойти с ним танцевать» [14, 17]), любит рисоваться и быть в центре внимания («вел себя на *парижский манер*, как он сам уверял изумленную публику»; ср.: «Корсаков обрадовался и приготовился блеснуть» [17]). Кроме того, он охотно делится светскими новостями, не задумываясь о реакции слушателей: ср. поведение героя письма и болтовню Корсакова, который мимоходом ошарашивает Ибрагима: «Графиня? она, разумеется, с начала очень была огорчена твоим отъездом; потом, разумеется, мало-по-малу утешилась и взяла себе нового любовника; знаешь кого? длинного маркиза R.; что же ты вытаращил свои арапские белки?» [15]. Щеголь почти женствен: в английском оригинале он и вовсе именуется «a male coquette»; ср.: «Корсаков <...> раз 10 перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он готов» [15].

Оба героя, усвоив в заграничных путешествиях некоторые представления о светском поведении, не задумываются о том, насколько они применимы в России, считая, что парижского лоска тут хватит с избытком, в том числе и для отношений с женщинами. В итоге оба

настояли на том, чтобы объяснить с ним в присутствии мужей, и сии любезные супружеские пары условились, что одна из нимф пригласит его к себе на ужин, не сообщая о том, кого еще она позвала. На крыльях любви он полетел на свидание и был встречен весьма игриво, но в разгар его упоения она стала упрекать его за речи, которые он произносил. Он все отрицал, и тут вошли другие дамы со своими мужьями, были оглашены доказательства его проступка, и он был признан виновным в том, что действовал со злым умыслом. Мужья произнесли свой приговор, в соответствии с которым дамам следовало его высечь: одни говорят, что они наказали его собственноручно, по другим же сведениям, приговор привели в исполнение служанки. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что виновный был наказан с такой суровостью, что ему пришлось несколько дней пролежать в постели; а вот были ли дамы палачами или же зрительницами, пока неясно. По этому примеру прошу судить о том, в каком состоянии в сих краях Гипербореев пребывает галантность».

чуть ли не сразу допускают faux pas и попадают в крайне неловкую ситуацию.

У г-жи Рондо петиметр, легкомысленно полагая, что Россия — еще не вполне Европа (где за рассказы об успехах у чужих жен ему угрожала бы дуэль), действует несообразно и с национальными обычаями, вследствие чего становится жертвой отечественной дикости. Она предстает и как вполне исконная (щеголя жестоко секут), и как сильно усовершенствованная, в галантном и «юридическом» ключе: дама приглашает виновника сплетен на ужин тет-а-тет, оказывающийся, однако, чем-то вроде судебного слушания с присутствием всех оскорбленных лиц, прениями сторон и вынесением приговора, который к тому же приводят в исполнение женщины. Корсаков, даже осознав, что ассамблея в Петербурге мало походит на парижский бал, по инерции ведет себя «à la mode de Paris». Описанным выше «европеизированным варварством» маркирован и присужденный ему штраф: на ассамблее, на глазах в том числе у дам, его заставляют до дна выпить колоссальную дозу (кубок «большого орла» вмещал 1,125 л) спиртного — но это не водка, а мальвазия, десертное вино крепостью около 13 градусов. Персонажи как письма, так и романа после наказания обнаруживают себя в постели, страдающими телесно и душевно. Что предпринял в дальнейшем первый из них, неизвестно; действия же Корсакова можно понять как стремление поправить положение: он едет с визитом в дом боярина, перед дочерью которого провинился, но и здесь не попадает в тон, не подозревая о пропасти между внешней, «петербургской» стороной жизни Ржевского (тот учит дочь танцам, одевает по новейшей моде, вывозит на ассамблеи) и его повседневным традиционализмом.

Бесспорная юмористическая окраска рассказа ни в том, ни в другом случае не скрадывает его печальный смысл: укореняющийся в России извод европейской цивилизации чрезвычайно далек от обычаев и тем более традиций Европы.

Обнаруженные сходжения, принадлежа поля типологии, красноречивы в плане техники работы Пушкина над исторической прозой. Его занимают не точные хронологические или географические соответствия, а сопологаемость довольно пестрого материала и комплекса собственных идей. Она оказывается стимулом либо для трансформации источника и его усвоения романом/повестью, либо, наоборот, для извлечения из него экстракта, знака, *стилемы* той или иной эпохи — элемента, связующего разные уровни исторического повествования.

**РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ
РАЗГОВОРНИК,
ИЛИ / OU
LES CAUSERIES
DU 7 SEPTEMBRE**

Сборник статей в честь
Веры Аркадьевны Мильчиной

Москва
Новое литературное обозрение
2015